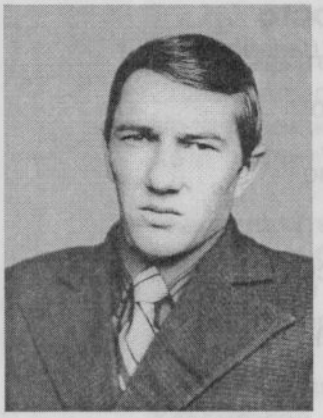

Василий ЭКТЕЛЬ

Василий Эктель (Сидоров Василий Петрович) – многоплановый художник слова: в его активе два изданных романа, повести и рассказы, эссе, сборники стихотворений и поэм, статьи по литературоведению и искусствоведению. Автор 13 книг. Окончил художественно-графический факультет Чувашского госпедуниверситета и Литературный институт им. М.Горького. Создатель и директор издательства «Калем», председатель правления Союза чувашских художников. Лауреат премии журнала «Тăван Атăл».

ЛИЛИ

Повесть

Кажется, уже пора все забыть, но почему, почему этот образ так и стоит перед глазами, не идет из головы? Ведь не сестра, не родная кровь, даже в соседях не жили, а на языке одно и то же имя – Лили...

Где же ты сейчас, милая, кто, какие люди тебя окружают? Было время, когда ты, подобно распустившемуся бутону, привлекала к себе своим дурманящим запахом всех букашек-таракашек, злых и добрых. Неужели в самом деле так короток девичий век? Неужели мы все только в гостях у нашей жизни? Возможно, и тебя изрядно потрепали буйные ветра, оголили и превратили в сухой бесцветный чернобыльник? Ничего, ничего не знаю о тебе: ведь сколько времени минуло с тех пор, как мы виделись в последний раз...

И все же я с нежностью произношу твое имя, Лили! Может быть, оттого, что в те далекие сумбурные, никчемные дни ты была моей невидимой волшебницей и оставила навечно в моем сердце свое таинственное тавро. Мне почему-то часто является картинка из моего детства: хлеба скошены и убраны, а среди жнивья торчат тысячи синих васильков, их никто не рвет, не замечает, а коровы, которых выгнали на сжатое поле, безжалостно топчут их своими острыми башмаками-копытами, не замечая их сияющей красоты. Лишь пастух бездумно щелкает длинным кнутом и срезает синие

головки, а то вдруг вспомнив свое детство и напевая вполголоса, принимается сплетать из васильков венки, похожие на нимбы святых ликов...

Лили, а знаешь, в моем саду перед маленьким дачным домиком растут цветы – твои тезки – лилии. Они очень хрупкие, нестойкие, быстро вянут, и потому я не срезаю их, не ставлю в хрустальную вазу – иначе пришлось бы их выбрасывать. А так они недели две радуют глаз, придают моему саду-огороду уют и красоту. Глядя на их красно-оранжевые, с коричневыми крапинками чудесные головки, я как-то попробовал написать стихи. Не получилось: на душе не стало легче, наоборот стало еще грустнее и пасмурней. Так и пролежал ночь, сверля невидящим взором темноту и будоража себя мыслями не о будущем, а о прошлом. Забыть тебя я не смог и вряд ли смогу когда-либо...

Что же это за чувство? Любовь? Дружба?.. Назвать тебя любимой мне недостает смелости: ведь вы с моей дочкой одногодки. На ум невольно приходят знаменитые пары: Тютчев – Денисьева, Рембрандт – Саския и много других гениальных влюбленных. Их возлюбленные, как правило, были моложе своих кавалеров в два,а то и в три раза. Но кто я такой, чтобы стремиться обессмертить свое имя? Нет у меня таких талантов и не предвидится. Разве что бесцельное прожигание дней да пустые мечтания...

И все же, все же я надеюсь, что выйдя в один из темных и скучных вечеров из дома и слоняясь бесцельно по улицам, я встречу нечаянно тебя, Лили. Только боюсь одного, точнее – боюсь сам себя: как бы наша встреча не обернулась грязью и пошлостью – вдруг я не сумею сдержаться и, поддавшись страсти, приглашу тебя самым примитивным образом на какую-нибудь тайную квартиру, предложу выпивку, сигареты и прочее... И почему-то уверен, что ты согласишься. Впрочем, пользуясь правом художника на вымысел, я могу и посадить разгоряченного читателя голым задом на лед, чтобы не дать разгуляться его фантазии. А если и это не остудит его воображения, пусть идет себе в кино, в видеосалоны – там этого «кушанья» более чем достаточно. Сиди и пускай сладострастные слюни, прижав свое добро коленями, а то наоборот, раззявь рот во всю ширь и впитывай так называемый «секс» по полной программе...

Не скрою, я видел эту дешевую пошлятину и не нахожу слов, чтобы выразиться по поводу тошнотворной порнухи. А что мы сами? Мы, как мухи, летим на эту ложку меда в луже грязи, и нечего лгать и скрываться. Как же, мы становимся куда какими смелыми, приняв на грудь и потеряв всякий стыд и разум! Разве кто-то в таком состоянии думает о грехе?

...Как же мы с тобой познакомились, Лили? Ага, помню, помню эти сумасшедшие дни, когда смешалось все на свете, когда Россия – в который раз! – стояла на пороге самоуничтожения. Никто не знал, когда и чем закончится противостояние одного народа друг другу и закончится ли вообще. Все крутилось в бешеной карусели неразберихи, никто не мог толком объяснить, что происходит, как называется эта безумная круговерть – кстати, названия ей нет и поныне, да и нужно ли оно кому?..

На какое-то время мы, правда, почувствовали некую определенность: казалось, нам удалось вынырнуть из бездонного темного омута, но не в чистое ровное течение жизни, и нас снова закружило, как щепки, в грязном водовороте. Я оказался одной из этих щепок, а ты, Лили, далеким светлым пятнышком, огоньком надежды. Однако все новое, непривычное нас удивляет и страшит, и нам удобнее оставаться в насиженном болоте, чем стремиться куда-то в неизведанное. Да это и неудивительно, когда спишь не ты один, а все общество, и нет никаких возможностей его разбудить, заставить работать его мозг. Это очень трудно – победить стагнацию!

Мне нравятся босяцкие рассказы Максима Горького: в них нет ни единого выдуманного эпизода – все пережито, выстрадано самим писателем. В то же время «Жизнь Клима Самгина» я не сумел не то что прочесть, а даже телевизионную версию недосмотрел до конца – там все надуманно и подчинено политике партии и государства, написано по заказу. В рассказах же у писателя все живо, правдиво, жизненно. Чего стоит его «Двадцать пять и одна»! Будь я школьным учителем литературы, непременно порекомендовал бы своим ученикам этот рассказ. И я ни на секунду не сомневаюсь: встреть Алексей Максимович на перекрестках своих скитаний девушку, подобную Лили, он непременно описал бы ее судьбу.

Несколько лет тому назад я пережил очень тяжкую пору: меня день и ночь преследовало беспокойство, даже тревога, я не находил себе места, не знал чем заняться. За что ни возьмусь – не идет дело, все валится из рук; даже мысли, казалось, улетали от меня словно воздушные шары: я за ними, они – от меня, и не догнать их, не сосредоточиться. Дела в научно-исследовательском институте шли из рук вон плохо: диссертацию мою «зарезали», не дали защититься, потому что я не угодил заведующему отделом и не кланялся в ножки директору института. В самом деле, кому нужен такой непокладистый сотрудник? Даже друзья хорохорились только в курилке, там они высказывались смелее некуда. А стоило мне споткнуться – потихоньку, один за другим, отдалились и даже в шахматы со мной перестали играть. Что поделаешь, таковы законы стаи: раненого зверя или птицу соплеменники тотчас покидают, а голодные волки, разгоряченные кровью убитого или раненого собрата, даже раздирают его на куски. Наверно, тогда я как раз и оказался тем раненым зверьком, и я твердо решил: оставаться здесь, в институте, значит вызывать к себе ненужную жалость и унижение.

И я ушел, заодно резко сменив профессию – устроился в домоуправление рядовым слесарем. А что, или не сумею завернуть кран, закрутить гайку? По образованию я все же инженер. Что касается денег... Умеючи их можно подбирать прямо с полу, из-под ног, только не ленись наклоняться. К примеру, на нашем обслуживании два общежития, а сколько вокруг них жилых домов? В вызовах недостатка нет, только не ленись работай. Щедрые хозяева не скупятся и на стол, и на выпивку, ешь-пей от пуза да еще и денежки получай. А вскоре меня поставили мастером. Мне выше и не надо – живу себе спокойно, горя не ведаю.

Мастерская наша располагалась удачно: с одной стороны ресторан «Эгер», с другой – пивной ларек и неподалеку торговый центр «Шупашкар», где продавалась и водка. Для любителей выпить сущий рай: купят бутылочку-другую – и прямиком к нам, где и стаканы, и черный хлеб с солью и луком, и даже килька-тюлька, благо они тогда еще были в продаже. К тому же мы еще и «блатные» – у нас всюду есть знакомые, так что достать «крепкую» не составляет труда. Одним словом, братцы, мировая это профессия –

слесарь-сантехник! Случится, вы маетесь с похмелья – прямиком дуйте к ним или дворникам и не сомневайтесь: из-под земли достанут все, что вам нужно.

Кстати, есть ли художественные произведения о сантехниках? Я лично не читал. Хотя фельетонов, баек, юмористических рассказов про них много. Но стоит ли на это обижаться? Надо же над кем-то людям смеяться, к тому же в те годы обличать крупное начальство было нельзя. Хотя опять же про Брежнева ходили тысячи анекдотов. А что сантехники? Мы ничуть не хуже остальных – я, к примеру, всегда при галстуке, в наглаженном костюме и брюках. А напарник мой Виссарион (мы его звали Виссари), так тот ни много ни мало выпускник Суриковского института, художник. Возможно, вы о нем слышали, он чуваш, с оренбургской стороны. Правда, здесь у него не взяли ни одной картины на выставку и в Союз тоже не приняли. Он давным-давно живет в Германии, где его картины продаются на аукционах за тысячи долларов, фунтов стерлингов, марок и крон... Возможно, сейчас, в связи с переменами в России, он и захочет вернуться, но только не в неблагодарную Чувашию, хотя я слышал, в верхах поговаривают, чтобы приобрести несколько его картин для национального музея. Вот уж поистине нет пророка в своем отечестве, прав мудрейший Христос...

Или взять Клима Хораськина. В то время как мы с Виссари ходим как «денди лондонские», он в любую погоду снует в заношенной клетчатой рубашке и старом ватнике. И тем не менее нас с Виссари жители района зовут по имени, его навеличивают по имени-отчеству – Клим Петрович. Таковы законы жизни...

Так как же мы познакомились с Лили? Интересно, как полностью пишется ее имя – Лиля или Лилия? А возможно, так же, по-французски, – Лили. Красиво, да? Да что я об имени? Вы бы видели ее лицо – «круглолица, бела», настоящая лилия! Вот уж поистине имя соответствовало ей как нельзя лучше.

Вначале я познакомился с ее матерью. Дело было так. Виссари, кроме того, что обслуживал несколько общежитий, умел находить и левака. Мы с Климом с удовольствием к нему присоединялись: готовили подрамники для различных панно, плакатов, грунтовку и даже работали кистью – раскрашивали вещи большого формата. Да и что в нем сложного – в плакате? Красная

и еще одна-две ярких краски, трафарет с призывным текстом – знай себе малюй, и все дела.

Как-то раз Виссари нашел выгодный калым в одном из ближайших колхозов – надо было оформить помещение правления, его фасад и прилегающую территорию. Нам выдали добротный пиломатериал для реек, жесть, оргалит, электропилу, дрель, остальное зависело от нашей фантазии.

Вот тут-то и началась настоящая вакханалия. Была весна. Наша мастерская помещалась на первом этаже, точнее – в полуподвале, и мы целыми днями могли разглядывать ножки проходящих по Эгерскому бульвару дамочек, отчего ощущали себя застоявшимися жеребцами, рвущимися на волю. А что, скажете вы, разве на свете кончились «ночные бабочки»? Помани пальчиком – любая полетит, как пчела на цветок. На наш век хватит, да еще и останется. К тому же, кроме мастерской, у нас есть две комнатки, куда кастелянши стаскали старые матрацы, да и чистых простыней навалом – только что из прачечной... Да тут жить можно, не то что работать! А что до талонов на водку – так коменданты общаги без нас как без рук, а в их руках эти спасительные бумажки... Так что достать спиртное для нас раз плюнуть.

Я не собираюсь загружать читателя всем, что тут происходило, – мне сейчас самому противно вспоминать те безумные ночи, проведенные с подружками Клавой и Зиной. Рыжеволосая, синеглазая, среднего роста и со слегка обожженным где-то лицом, Клава была разведенной, но, к счастью, детей не имела. Оставшись без работы – а работала она, как и многие женщины из общаги, на хлопчатобумажном комбинате, – она еле-еле сводила концы с концами, донашивая все, что когда-то приобрела. Зина же, наоборот, любила одеваться, хотя была долговязой, с широкой костью и на редкость тонкими ногами. У нее был приходящий муж и дочь-школьница. В одном они были схожи – в распутстве, как говорится, обе прошли огонь, воду и медные трубы. Зина даже ленилась ухаживать за волосами, а потому всегда носила платок с люрексом и крупными цветами. Клаве на вид было лет двадцать семь, Зине можно было дать все тридцать пять. Конечно, на трезвую голову мы бы вряд ли с ними связались, но за пьяным столом и такие сойдут за красавиц. Они к нам, видимо, пристали возле пив-

ного ларька, увязались за нами и таким образом оказались в нашей компании.

Да, в ту ночь мы славно погуляли – все общежитие ходило ходуном, не то что наш закуток. Толком я мало что помню, да и не нужно это никому. Короче, слухи о нашей разгульной жизни докатились до начальства, и я, чтобы избежать неприятностей, перешел вместе с Зиной в общежитие тракторного завода. Клава некоторое время тоже жила с ней вместе.

Это была довольно просторная комната – в ней умещались две железные койки, стол, несколько стульев, телевизор и холодильник. На подоконнике я заметил чувашские журналы, книг не было видно. Обе постели стояли неубранными, на столе – засохший хлеб и ржавая килька, а также початая бутылка. На трезвый взгляд этот натюрморт вызывал далеко не приятные чувства. Ах, бабы, бабы, чего вам не хватает? Зачем вы так бездумно доводите себя до такого безобразия? Иная захудалая птичка и та свое хоть и временное гнездышко содержит в чистоте и порядке, а вы, женщины, за столько лет не сумели создать теплоту и уют в своем углу. Куда ни глянь – всюду грязь, запустение, нет женской руки. Даже пол не подметен, не то чтобы вымыт. И дверь не заперта – замок сломан, изнутри на какую-то задвижку хозяйки замыкаются. Как же дошли до жизни такой эти две женщины – одна разведенная, другая наполовину? От тоски или уже по привычке не замечают, что утопают в грязи? Я бывал во многих общежитиях, и там тоже непременно встречались подобные комнаты, похожие больше на караулки – да не обидятся на меня мужчины, к тому же они здесь и не живут – общежитие-то женское. Одним словом, это не комнаты, а «проходной двор».

Однако дамы мои оказались запасливыми – за шкафом у них хоронилась фляга с брагой. Конечно, пойло не ахти, и все же с похмелья лучше, чем холодная водичка. Правда, голова от нее делается пудовой и тело становится ватным.

И вот лежу я на чьей-то кровати – Зининой или Клавиной – подобно половой тряпке; женщины уместились на другой. Спустя некоторое время Клава умчалась за пивом, а Зина в ту же минуту оказалась возле меня. Однако и ей, ушлой в любовных делах, не удалось разбудить во мне мужчину, чтобы повторить прошлую

ночь, – я лежал трупом, руки-ноги мои были словно чужие, тело напоминало студень. А разгоряченная женщина изо всех сил заводит себя, ее влажные жадные губы покрывают меня поцелуями с головы до ног; рассыпавшиеся волосы закрывают лица обоих, словно стараются сокрыть происходящее, – и все напрасно: сердце мое молчит, душа противится натиску, а вчерашнее кажется дурным, тошнотворным сном... Но лежать бревном тоже не дело, и я, торопливо прикрыв глаза, нащупываю ее большие, точно творожные мешки, груди, обнаженные крутые бедра, складчатый живот... Ее горячее тело почему-то кажется мне теперь непривычно холодным, наверное, оттого, что она вспотела от тщетных усилий заставить меня исполнить мужской долг. Но нет, думайте что хотите, я сегодня ни на что неспособен, у меня даже нет сил выскользнуть из-под домогающейся меня женщины, хотя это было бы уж точно позором для меня как для мужчины... Нет-нет, в этой связи нет никакой прелести, никакой таинственности, одна животная страсть и дурь...

Наконец я вроде бы прозрел мыслями, но мое безжизненное тело продолжает лежать на чьей-то грязной постели. Нет ни сил, ни желания подняться, идти куда-то, что-то делать. А страшнее всего – попасться на глаза людям, оскорбить своим видом их счастливые весенние улыбки. И я предпочел хлебнуть еще пива, что принесла Клава, и снова рухнуть мешком в постель. Как назло, не могу уснуть, так, бред какой-то, полудрема. Лежащая рядом Зина вызывает только раздражение. Я потерял счет времени...

Вдруг послышался звук открываемой двери. Зину как ветром сдуло с моей постели. Набросив халат, она рывком откинула одеяло с соседней кровати, – мол, я тут сплю, не подумайте чего другого – и пошла навстречу пришедшему. Я укрылся с головой и затих, свернувшись как ежик, в клубок. Не знаю, что бы я предпринял, если бы это оказался Зинин хахаль (а таких, без сомнения, у нее не я один) – я лежал под одеялом совершенно голый. На счастье, это оказалась девушка – я услышал ее голос. И какой голос! Это был щебет, точнее – колокольчик, да-да, звонкий медный колокольчик. Музыкант бы, пожалуй, определил его как меццо-сопрано. Это был голос уже не ребенка, но еще и не взрослого человека, скорее девушки-подростка. Я понял, что это и есть дочка Зины, о

которой она мне говорила. Я почти не дышал, слушая, как девочка зашуршала целлофаном, – наверно, достала из пакета учебники, тетради и не швырнула их как попало, а аккуратно, тихо положила на стол. Судя по всему, ее не удивило мое появление: очевидно, девочка привыкла к визиту очередного маминого посетителя. Она лишь спросила:

– Мам, кто это?

Боже, она произнесла это по-чувашски!

– Земляк, из соседней деревни, – соврала мать. – Родственником нам доводится. Приехал по делам и к нам вот зашел. Отдыхает с дороги.

Не знаю, поняла девочка, что тут за сосед «отдыхает», или нет, но расспросов далее не последовало. А может, она уже давным-давно привыкла к таким «гостям». Но почему мать, зная, что дочка вот-вот должна вернуться из школы, не выпроводила меня восвояси? Неужто так истосковалась по мужчине, что потеряла рассудок? Или ей дорога каждая минута, чтобы удовлетворить свою плоть?.. Не верю, чтобы я у нее был единственный, хоть убей, не верю.

– Лили, – заговорила Зина, делая ударение на последнем слоге, – у нас в доме шаром покати, возьми деньги и сходи в кафе поешь.

Лили, видимо, взяла деньги, но уходить не торопилась. А я не дыша отслеживаю каждое ее движение: вот она, продолжая щебетать с матерью, отхлебнула молока, что стояло на столе, вот зашуршала страницами журнала...

Ах, если бы я мог обратиться в какую-нибудь невидимую букашку и улететь отсюда незамеченным! Но увы, я вынужден лежать под тяжестью тысяч невидимых, но тяжелых воздушных волн, пригвожденный парой чистых невинных глаз. В самом деле, я каждой клеточкой ощущал, что меня разглядывают как под микроскопом, обвиняя во всех смертных грехах и обличая последними словами. Кто бы это мог быть? Какие-то потусторонние силы, небожители? Не знаю. Но одно утверждаю точно: я чувствовал этот взгляд как самый что ни на есть реальный. Боже, какой стыд, какой позор! Мне хотелось провалиться сквозь землю, превратиться в невидимку, лишь бы убежать из этого ада. Жгучий стыд сжимает меня железной мялкой и жует, жует своими невидимыми зуба-

ми. Да, я и не предполагал, как тягостен этот греховный плен, как тяжелы его вериги...

Наконец Лили засобиралась в кафе. Слава Богу, сейчас я выберусь из этой тины!

– Мам, я нынче заночую у Наташи, ладно? – не столько спросила, сколько сообщила девушка о своем решении.

Я перевел дух, вздохнул полной грудью – выбрался из адова котла. Но это еще не было спасением: Зина, подобно церберу, караулит меня. Наспех заперев за дочерью дверь, она стремительно протянула ко мне свои длинные руки – начала новую любовную атаку. Ее притязания на сей раз показались мне еще более мерзкими, прямо-таки преступными. Сейчас мне даже не было стыдно за мою мужскую недееспособность, наоборот, я был рад этому, хотя хорошо знал, какую вызову ярость, не удовлетворив ее нестерпимых желаний. Что же делать, как поступить, чтобы не пасть в глазах жаждущей женщины? Пересилить себя и снова окунуться в грязный омут скотских утех? Бесчестно и противно. К тому же эта девочка Лили – символ чистоты, красоты, молодости... Может быть, мне потому сейчас так гадко, что с ее уходом с лица земли исчезли красота и благочестие, и весь мир погряз в грехе? И мы, виновные в том, будем вечно копошиться в греховном месиве нашей убогой жизни, тщетно стремясь выбраться из него. Что же с нами происходит? Какое проклятье пало на нас и кто его ниспослал? Почему мы не противостоим пороку, не бережем друг друга, не живем по человеческим законам? Стоп, а почему «мы»? Почему не «я»? Но ведь я тоже порождение этой жизни, меня тоже сформировало это общество, я перенял его облик – цвет, свет, порядок...

Довольно грубо я высвободился из объятий Зины и оделся. Чувствую, неудовлетворенная женщина смотрит на меня тигрицей, но молчит – ждет. Уйти вот так, не оглянувшись, конечно, нехорошо, и я оглянулся. Это была уже не тигрица, а жалкая постаревшая женщина с просящими глазами, в которых нет и намека на любовный огонь, на ласку и обольщение, а сплошная виноватость и даже пустота. Ее было жалко до слез. Но зачем ей моя жалость, зачем?

Лили... Вот так я познакомился с тобой, вернее – с твоим звонким голосом, сошедшим с небес.

Лили... Что это со мной? Зачем я все время вспоминаю о тебе? Может быть, потому, что с того дня моя жизнь показалась мне пустой и бесцветной? Перед глазами твои ровесницы, у каждой свой кругозор, своя непостижимая тайна. Меня интересует их будущее, и это не простое любопытство – это перешло в душевную боль, в рыдания.

Лили... Ты – единственная, но через тебя передо мной прошли судьбы многих и многих твоих ровесниц, которых безжалостно ударила дубина жизни, сокрушив и разум, и душу. Если прежде вы казались мне чистыми распустившимися цветками, теперь я замечаю на них всякую нечисть: тут и осторожные труженицы-пчелы, и мохноногие горластые трутни, и мелкие букашки, и ненасытные, жаждущие вашего сока мухи... И все же рано или поздно они улетают, а на лепестках красно-оранжевой лилии остаются коричневые крапины (раньше я их не замечал). Интересно, почему я их не замечал? Вот, оказывается, она где – изнанка жизни! Выходит, природа тоже двусмысленна и во многом повинна? Тогда что же настоящая чистота, благочестие? Получается, все наши поиски, устремления бесцельны, они лишь пустые плутания, ложные утешения?

Что же ты молчишь, Лили? Ах да, ты еще не доросла, чтобы понимать эти вещи. Пока все, что есть на этом свете, – твое и только твое...

Если ты пленил однажды женщину, избавиться от нее не так-то просто. Вот и ходят, ходят к нам в мастерскую Клава с Зиной. Виссари – хотя и без особой охоты – продолжает любовные игры с Клавой, а мне даже глядеть неохота на Зину. Правда, насилую себя – нехотя пью пиво, болтаю чепуху. Мне искренне жалко и Зину, и Клаву, и винить их я не имею права – у них тоже есть душа. Может быть, к этой душе просто надо уметь подобрать нужную струну, и тогда к ней вернется нежность и наивность?..

На улице по-прежнему буйствует весна. Ее животворящее тепло наверняка пробуждает в искореженных душах этих несчастных женщин огонек надежды – нельзя же все валить только на животные инстинкты, хотя даже при беглом взгляде сразу замечаешь в их замутненных глазах пустоту, полное отсутствие мыслей и каких-либо желаний, кроме неукротимой страсти. И от этого мне в такие минуты еще сильнее хочется увидеть Лили, найти в ней

спасение, какое испытываешь, когда наконец после долгих блужданий по темному лесу выйдешь на светлую поляну с тысячью разноцветных и дивно пахнущих цветов.

О, как же мы глупы и наивны порой! Вот и мне следовало бы в первую очередь сокрушаться не о своих грехах и искать пути очищения от них, а позаботиться о других, дабы не дать им упасть в бездонную пропасть. Себя, я уверен, сумею уберечь, а не сорвется ли с греховного обрыва более хрупкий, чем я, если его вовремя не удержать? Чего стоит тогда твое восхождение на вершину славы, твой горделивый взгляд сверху на того, кто копошится внизу, куда не доходит ни свет, ни голос?

И все же я не успел ей помочь ни словом, ни делом – жизнь убегала от меня как линия горизонта, и я не мог за ней угнаться...

Извечная истина: мы всегда машем кулаками после драки, рвем на себе волосы, когда уже зло свершилось. А то роняем слезу сожаленья, в то время как надо рыдать кровавыми слезами...

Если ты не обиходил яблоню по весне, ждать хороших плодов от нее не приходится. Ибо тля – эта микроскопическая прожорливая букашка – при первых лучах весеннего солнца вмиг облепляет набухшие, словно упругие девичьи груди, почки, поселяется в них и начинает пожирать изнутри. А по осени мы удивляемся: почему мелкие и червивые яблоки срываются не дозрев и падают на землю? Причину поверх не разглядеть. Так произошло и с моей Лили. Да разве только с ней? Что греха таить: мы подчас поклоняемся какой-нибудь красотке, ставим ее в один ряд с богоматерью, молим о снисхождении к нам, не подозревая, что таится за ангельским личиком, за точеной фигуркой. Вот и я поначалу почти ничего не знал о Лили. Но ее тайна становилась мне понятней день ото дня.

Не знаю, возможно, моя внешность вызывала доверие у вахтеров общежития, куда я ходил, но они пропускали меня без слов, редко какая-нибудь дотошная старушка требовала документ. И тогда я летел как на крыльях на третий этаж, не замечая никого из встречных-поперечных, чтобы как можно скорее оказаться в самом конце коридора, в комнатке рядом с кухней, чтобы увидеть волшебный цветок. Нет, я не испытывал к Лили мужского желания и не осмелюсь назвать это высокой поднебесной любовью,

нет, – просто мое сердце приходило в непонятный трепет, во мне пробуждались самые нежные, самые добрые чувства. И это в то время, когда кругом поселилась одна жестокость, тем дороже мне были эти ожидания, томление, надежды...

Я старался приходить в «женский монастырь» (так называли это общежитие и зовут до сих пор), когда Зины не было дома. Клава тоже заманивала меня к себе, когда Зина была на работе. Как-то она попросила у меня что-нибудь почитать, и я, не найдя ничего кроме «Великолепной Зейнаб» – повести средневекового турецкого автора о сексе, – принес ей это произведение. Начало было посвящено лесбиянкам. Не знаю, читала Клава ее или нет, но задержала надолго, и я решил зайти за ней сам – книга была чужая. Клава и Лили были дома. Я с первого взгляда понял, что Клава дева познакомила с книгой и Лили.

Лили была одета в школьную форму. Не по возрасту полные груди так выпукло подпирали лямки фартука, что казалось, они вот-вот лопнут; ее иссиня-черные волосы свободно спадали на плечи, а большие темные глаза взглядывали на меня то боязливо-смущенно, то нагловато-вызывающе; взмахи ее густых длинных ресниц, казалось, метали в меня отравленные стрелы. И тогда не она, а я испытывал смущение и робость...

Она называла меня дядей Геной. Да и как еще иначе? К тому же, я и сам вел себя именно так: я стеснялся при этой девочке, боялся, как бы она не сочла меня за старого ловеласа. Мне казалось, чувства мои слишком мелки, недостойны Лили. В то же время я боялся сам себя, памятуя о тех страстях, которыми перегорел в далекой молодости. Ведь в жизни нередко бывает так: та, по которой ты сохнешь, даже не глядит в твою сторону, и тогда любовь становится мукой, и ты, не в силах справиться со своими чувствами, начинаешь себя ненавидеть. С Лили, правда, у меня было все иначе. Я понимал, какая пропасть лежит меж нами, а потому больше видел в ней сестренку, нежели возлюбленную. И все же, все же... Я трепыхался, словно попавшая в силок птаха, стараясь освободиться, а меня все равно нестерпимо тянуло в угловую комнату...

Когда я пришел в общежитие в следующий раз, Клава с Лили снова были одни. Клава, видать, совсем перестала ходить на ком-

бинат, да и какой смысл: зарплату не платят месяцами, работы как таковой нет – обанкротилось предприятие. На столе, как обычно, банка с пивом, хлеб. Клава тотчас принялась меня угощать, а заодно налила и Лили. О Боже, и она выпила, выпила! Я даже не успел ее остановить, оторопев от удивления: пятнадцатилетняя школьница пьет пиво! И тут я накинулся на Клаву:

– Ты хоть понимаешь, что делаешь?

Женщина лишь усмехнулась как ни в чем не бывало:

– Так она уж и красненькое пробовала. Хочет пить – пусть пьет. Зачем запрещать?

Меня так и бросило в жар: я почувствовал себя виноватым перед Лили. В самом деле, с кого она берет пример? Конечно же, с нас, со взрослых. Что видит, что слышит – то и повторяет. Ей хочется показать, что она уже взрослая и не хочет от других отставать. Самый хрупкий и самый опасный возраст.

Тем временем Лили включила стоявший на подоконнике проигрыватель и принялась пританцовывать в такт музыке.

– Дядя Гена, красивая у меня фигура? – ни с того ни с сего вдруг спросила Лили. И кокетливо добавила, не дожидаясь ответа: – Мои ровесницы уже давным-давно ходят в фотоателье.

Я чуть было не упал от неожиданности. Тело мое обмякло, язык присох к небу, голова закружилась, и я присел на край кровати, не сводя с Лили округлившихся от изумления глаз... Да, фигура – и не только она – хороша, ничего не скажешь, особенно во время танца. Прелестница! Правда, росточком еще невелика, но для пятнадцатилетней даже в школьной форме выглядит вполне созревшей девушкой. С ума сведет любого одноклассника, без сомнения. А если ее одеть по моде? Нет, не в джинсы – они, пожалуй, не подойдут к ее коротким и довольно полным ножкам, а во что-то другое... Но больше всего меня волнуют ее темные большие глаза, я тону в них и теряю рассудок. Надо же, как распоряжается нами природа: блондинам непременно нравятся брюнетки и, наоборот, брюнетам – блондинки. Кажется, я и впрямь сойду с ума от этой девчонки.

Постой, а что означают эти ее слова: «Мои ровесницы давным-давно ходят в фотоателье?» Это же не просто пойти и сфотографироваться? За этим что-то стоит такое... Может быть, они

уже считают себя фотомоделями? Да-да, именно так! Небось насмотрелись в глянцевых журналах обнаженных красоток и, конечно, не обратили внимания на то, что все они прячут свои лица – видимо, для того, чтобы их не узнали. И ни одна из них не задумывается, кому будет нужна потом?

Я был поражен как громом. И как только не остановилось мое сердце! Слова Лили меня не взбесили, нет – они вызвали какое-то тупое бессилие, и я молча поднялся и ушел.

В мастерской кипела привычная жизнь, к Виссари собрались друзья, и среди них белокурая, чуть постарше Лили, девушка. Мне почему-то сразу подумалось: «Ну вот, очередная птичка попала в силок, уж ее просто так Виссари не выпустит». А что же я? Почему минуту назад я распалялся по поводу Лили, а сейчас, когда нужно спасать эту дуреху, я лишь развожу руками?.. Как же она угодила сюда? Может, ее, как Лили, тоже пригласили «сфотографироваться»? А ведь на ее месте запросто могла быть и Лили! Да-да, а я, вахлак, и не додумался сразу! Неспроста же она брякнула эти слова!.. Я уже был уверен, что Лили нарочно сослалась на подруг, мол, они ходят в фотоателье – она сама, сама бегает к молодым фотографам и снимается у них за деньги!..

Меня бросило в жар, я отпустил галстук, расстегнул ворот рубашки. Нет-нет, пусть мне перережут горло, но я не могу спокойно глядеть, как эта глупая девчонка, давясь, вливает в себя водку. Это уже слишком! Хватит купаться в грязных помоях, угощаться на празднике разврата! Я выхватил из рук глупой телки стакан, долил его доверху водкой, опрокинул в себя и... захлопнул за собой дверь. Я не сомневался: Виссари сегодня обстряпает эту дурочку по всей форме...

Удивительно, но наутро у меня от выпитого была совершенно ясная голова. Наверно, хмель развеял мои вчерашние бойцовские намерения и мысли, закончившиеся ничем. Я еще долго валялся на постели без сна, снова и снова возвращаясь в мыслях к той несчастной глупышке, винил в ее судьбе себя, других. Вместо того, чтобы возносить наших любимых до высот богоматери, как это делали художники и поэты в эпоху Возрождения, мы втаптываем их в грязь, вымазываем дегтем и обваливаем в пуху, а потом еще и бахвалимся, кто скольких перепортил и каких. А самим в

жены подавай непременно девственниц, и не задумываемся над тем, а где их взять, непорочных, если чуть ли не каждая из них захлебывается слезами из-за тех же ненасытных женихов? А сколько не родившихся гениев не является на свет божий из-за абортов, которые делают эти малышки? Об этом мало кто волнуется, не то чтобы взять вину за происходящее на себя.

...Когда я пришел на работу, Виссари еще не было. На мольберте стояла начатая маслом картина: вчерашняя блондиночка укладывает перед зеркалом свои роскошные волосы. Я почему-то невольно сравнил ее с Лили – сравнение получилось в ее пользу: фигуры у обеих одинаково красивы, но у Лили грудь выше и упруже, чем у этой девушки, да и бедра у блондинки поуже, похудее. В остальном ни в чем не откажешь – хороша! Правда, лицо Виссари еще не успел завершить – наверное, решил оставить до следующего сеанса, зато детально были выписаны груди, словно два ласточкиных гнездышка, с розовыми сосками, похожими на нераспустившиеся бутончики. Удались ему и остальные части тела – пупок настолько органичный, что его хотелось потрогать; натуральным выглядел почти завершенный бугорок Афродиты прямо-таки с натуральным куньим пушком.

Несмотря на обильные возлияния, Виссари работал успешно и быстро. Да и как не работать, если перед глазами такое создание! В моей душе боролись два чувства – я ревновал художника, даже завидовал ему и в то же время осуждал за распутство. Конечно же, он не выпустил эту бабочку на волю нетронутой. Какой мужчина устоит, чтобы не приласкать, не приголубить подобное создание? А коль понадобится, и стать на колени, и умолять, и просить...

Я не утерпел и поинтересовался у Виссари:

– Ну как молоденькое тело? Попробовал?

Он промолчал, лишь натужно усмехнулся. Я понял без слов: попытка была, но не удалась, хотя не верилось, чтобы эта птичка сумела выскользнуть из его медвежьих лап. Через минуту Виссари смущенно пробормотал:

– Ей всего восемнадцать... Замуж собирается... Для первой ночи себя бережет...

Боже, неужто он вправду пощадил ее? Вот это да! Бывает и такое! А я не верил художнику... Смотри-ка, сумел-таки удержать

себя в руках. Может, побоялся суда, а может, она крик, шум подняла – кто знает...

В тот день Виссари не работал – все валилось из его рук. Пробовал кистью где-то что-то подправить – только портил. Да, без натуры трудно что-либо сделать. Девушка обещала позвонить, но сколько ни ждал Виссари – звонка не было: видать, обидел он ее в ту ночь не на шутку. Для завершения картины надо было подыскать другую молодую натурщицу.

И тут я решил помочь художнику: а может, Лили согласится ему попозировать? Раздеваться не надо, не закончено только лицо...

Я пошел в общежитие, чтобы обсудить с Лили этот вопрос. Она была одна и какая-то скучная, неразговорчивая. Зина с Клавой уехали в деревню, не оставив ей ни еды, ни денег. И Лили попросила у меня взаймы три рубля – мама, мол, вернется и отдаст. Ишь, какие мы гордые и независимые! А вот сидеть перед мольбертом почему-то не согласилась. «Вас там очень много», – сказала она, и я понял, что их «фотографы» не разрешают им позировать перед другими художниками. Я хотел было объяснить ей, что Виссари заплатит, но тут же остановился: чувство ревности вновь объяло меня, и мысль, что наедине Виссари чего доброго захочет раздеть мою Лили, которую я давно возвеличил до небесного ангела... Нет, нет, не стоит! И я не стал ее уговаривать, а сам устыдился: выходит, я не доверяю своему лучшему другу? Чтобы вахтеры не заподозрили чего недоброго и тень плохой молвы не пала на Лили, я поспешил уйти.

Когда бы я ни заглянул к моим приятельницам в общежитие, у них всегда нечего было поесть. Холодильник они не признавали – все припасы были на столе, где вовсю пировали тараканы. Тем не менее Лили выросла крепенькой и красивой девочкой, и от нее исходило какое-то необъяснимое притяжение. Большей частью оно заключалось в ее темных глазах – они завораживали, заставляли покоряться ее воле. «Вот они-то и будут сводить парней с ума», – думал я, сознавая, что сам уже нахожусь у них в плену, но я дал себе зарок никого в это не посвящать. Потому что мне казалось, что я связан с этой прелестной девочкой невидимыми нитями, целиком и полностью предан ей, и было бы преступлением признаться в этом кому-либо. Даже если она войдет в девичью пору,

я, погрязший во всех смертных грехах, все равно буду не достоин ее. И все же я однажды не выдержал...

Как-то Клава, нарезвившись в мастерской с Виссари, пригласила меня к себе. Я тогда был сильно под градусом, а может, и с похмелья, иначе на трезвую голову вряд ли решился бы пройтись с этой неряшливой, с бесцветными, словно мочалка, волосами женщиной по городу. Наверно, Клава, заметив, как я разволновался при виде Лили, по-своему истолковала мое поведение. Может, позавидовала невинному чистому чувству. Сама она, безусловно, отдалась бы мне в любую минуту, и однажды я даже вызвался согреть ее постель. Помню, еще в день нашего знакомства, когда мы, можно сказать, все были в невменяемом состоянии, она почему-то хотела задружиться со мной, а не с Виссари, и дико орала на всю мастерскую: «Лучше бы я Генке дала!» Мы же с Зиной в это время уединились в маленькой соседней комнатушке. Чего же ей сейчас нужно? Почему она воротит от меня нос, более того – толкает меня куда-то... Куда? Понятно же – к Лили! Я давно это заметил: женщины с исковерканной судьбой желают такой же доли и другим, чтобы уравнять их с собой. Но напрасно. Я не трону Лили даже пальцем, в каком бы состоянии ни был. В то же время зная, что рано или поздно она все равно окажется в чьих-то грязных лапах, я страшно ревновал ее к ним. Хотя в общежитии ни разу не видел кого-нибудь из ее поклонников.

Мы с Клавой завернули за «Эгер». На вахте нас никто не остановил. Я думал, что Лили нет, но она оказалась дома. Почему же она не в школе? То, что девчонка пропускает уроки, я замечал давно. Сейчас она сидела одна и крутила музыку. Клава быстренько нырнула в угол и достала бутылку с какой-то мутной жидкостью. Метиловый спирт! Зина принесла его с завода, и они с Клавой уже не раз его пробовали. Я тоже как-то раз хлебнул денатурату, знал, что люди пьют БФ-2 и прочую пакость вроде жидкости для чистки стекол, но мне, слава Богу, пока не доводилось. Клава налила полстакана и протянула мне. В нос ударил отвратительный запах, и я отказался:

– Нет, Клава, не буду.

– Да ладно ломаться-то. Не бойся, мы с Зиной вон сколько вылакали – и ничего, живые.

– Нет-нет, не буду. Давай лучше дуй в пивной ларек, – я протянул ей горсть монет.

Мы с Лили остались вдвоем. Сижу молча, не зная, о чем говорить: как-никак между нами разница в одно поколение. К тому же боюсь опростоволоситься перед ней.

Окно открыто, и неназойливая музыка льется через него на улицу. Лили тоже молчит и даже не смотрит в мою сторону; подперев подбородок кулачком, задумчиво глядит на улицу, полную весенних шумов, красок, настроений. Под самым окном береза, сережки на ней уже распустились; чуть дальше готовится к цветению липа. Воздух наполнен дурманящими запахами. Девушка вся погружена в себя. Молчать вроде неудобно, и я задаю дурацкий вопрос:

– Лили, тебе нравится эта музыка?

– Нет...

– Тогда зачем крутишь?

– Просто так...

– А в школу почему не пошла?

– Там неинтересно.

– Не ругают за пропуски?

– Пусть ругают, мне-то что? Все равно всех после восьмого выпустят.

– А ты ходишь на дискотеку?

– Да. По субботам в школу, а по воскресеньям... – и осеклась.

Я понял, что она ходит на взрослые танцы, но скрывает. Да и с какой стати она должна со мной откровенничать? Кто я для нее? И все же я почувствовал какую-то обиду, даже злость. Недавно мы с Виссари побывали в только что открывшемся видеосалоне – знакомые ребята нас туда зазвали. Боже мой, чего мы там только не увидели! Мы, зрелые мужики, дожившие почти до сорока, ведать не ведали ничего подобного. А если Лили и ее подружки тоже все это видели? Это не что иное, как настоящий сексуальный террор. Все, что когда-то считалось тайным, интимным, выставлено на всеобщее обозрение! И никто не останавливает – не вправе, видите ли, у нас демократия... В такую пору искусство остается на обочине. Ах, Лили, Лили, конечно же, ты не можешь отставать от молодежных тусовок, ты же не птичка в клетке. Но не приведи Господь, если в этой буре ты порастеряешь свои крылышки; на-

кинется на тебя озверевшая стая и растерзает на куски, втопчет в грязь... Нет, это не ревность, напрасно я на себя наговариваю. Я просто боюсь за судьбу Лили, боюсь, как бы какой негодяй не вырвал ее у меня.

– Лили, а где ты берешь деньги на дискотеку?

Она, не оборачиваясь, молча пожала плечиками. Значит, опять что-то скрывает! Я-то, конечно, знаю, что Зина не балует ее деньгами, сама пропивает все до копейки.

– Папа изредка подбрасывает, – тихо проговорила Лили после паузы.

Ага, значит, папа все же иногда появляется, я об этом не знал. Да мне, собственно, все равно, кто из них повинен в развале семьи – отец или мать, но сейчас для Лили была бы очень кстати отцовская рука, его решительное слово. От матери толку мало...

По комнате плывет размеренная, приятная, успокаивающая душу музыка, а не гремит тяжелый рок или еще что. Скорее всего, это старые пластинки матери. Вдруг Лили поднялась с места, решительно подошла ко мне и, положив на плечи руки, попросила:

– Дядя Гена, научите меня танцевать!

От неожиданности я просто онемел. Но делать нечего – встал, взял девушку за талию. Лили мне как раз до подбородка. Стоит мне чуточку опустить голову, как ее пышные черные волосы начинают щекотать мне шею, губы; глаза девочки по-прежнему устремлены куда-то вдаль, их искрометный огонь направлен не в мою сторону, мимо меня. И все же по моему телу разливается давно забытое мной наслаждение, какая-то детскость. Мне так и хочется подхватить Лили на руки и вместо того, чтобы толочься в этой тесной, греховной комнатушке под звуки вальса, вылететь с нею через открытое окно на улицу, чтобы не дать ей увязнуть в болоте разврата и грязи... Меня будоражит ее горячее тело, мой мозг отказывается мыслить здраво, я схожу с ума по этой девушке-подростку, созданной только для меня, расцветающей только для меня...

Нет, у меня не возникает пошлых мыслей или скотских желаний – мне просто хорошо, и я готов взлететь с нею на руках под самое синее небо. Пусть там загорится ее именная звезда, о которой будем знать только я и Лили... Увлеченный своими чувствами, я и не заметил, как Лили легко оторвалась от пола и плотно при-

жалась ко мне. Ее полные розовые губы оказались возле моего рта. Широко открытые глаза полны нетерпеливого ожидания... И тут струна моего напряженного терпенья лопнула – наши губы слились в поцелуе... В комнате стояла мертвая тишина – пластинка давно кончилась. Казалось, на всем белом свете есть только один звук – это бешеное биенье наших сердец, готовых вырваться из груди. И не существует больше ничего, кроме негасимой любви, кроме любовного огня, объединяющего два тела. «Что ты делаешь? Ты человек или скотина? Тебе не стыдно целовать девочку – ровесницу твоей дочери?» – раздался громовой голос с небес. А я-то думал, что с небесами разговаривают только поэты...

Кажется, этот голос услышал не я один: Лили резко откинула голову назад, черные волосы рассыпались по сторонам, а из глаз в разные углы комнаты брызнули искры-молнии. Но она не убрала рук с моей шеи и, приподнявшись на цыпочки, вдруг укусила меня в левое плечо. Я не почувствовал боли, не вскрикнул, не застонал – я наслаждался мигом, выпавшим на мою долю, и молил, молил, чтобы он продолжался вечно. Укус ее мелких белоснежных зубов скорее влил в меня живительное блаженство, нежели боль и отраву. Что это было – расставанье навеки, незабываемый знак, печать на память? Мне все равно хорошо, вместо боли я чувствую только нежность, благодарность Лили за то, что она оставила на мне свой колдовской знак, мету, благодаря которой я не смогу больше никого полюбить...

Знали бы вы, как я казнил себя после случившегося! Я истязал себя раскаяниями, а что толку? Никто, никто не виноват, кроме меня в моем легкомыслии, слабоволии. И потому нет мне прощения, нет. Ни луна, ни солнце этого не видели, а потому один я виноват. Ах, если бы Лили ударила меня по лицу или расплакалась, или рассказала бы матери – я бы, наверное, сумел все забыть, по крайней мере, заставил бы себя это сделать. А теперь эта мета будет постоянно напоминать о ней, воскрешать ее образ, а в небе будет сиять ее звезда и дразнить меня своим игривым светом. Я же, как слепец, буду бродить среди лживых теней нашей несчастной жизни, нигде не находя успокоения. Ибо мне никогда не подняться на ее высоту...

Я поклялся, что больше не пойду в это общежитие. Однако жизнь диктует нам свои законы и делает свое.

Стоял жаркий летний день, на улицах полным-полно народу: кто на пляж, кто с пляжа, шум-гам неумолчный. В такие дни мало кто размышляет о счастье – оно невидимкой присутствует в каждом из нас, просто мы его не замечаем. Оно всюду: в пылинке, что витает в воздухе, в запахе цветов, в трепете листьев. Все, все в объятьях счастья, только мы этого не понимаем, не умеем радоваться. В наших головах вечная сумятица, безверие, дисгармония – их, как правило, порождает неудовлетворенность жизнью, бесцельное ее прожигание. А для меня и моя боль- счастье. Скажете, чокнулся мужик. Может быть. Иначе зачем страдать, зачем тревожить девочку-полусироту? Как удержать себя, когда она откинет покрывало и постелит чистую постель? Нет-нет, это не любовь, а всего лишь жалость. Я искренне жалею Лили, беспокоюсь о ее судьбе. Не скотина же я в конце концов, чтобы после близости с матерью перекинуться к ее дочери! Вроде пока еще не потерял облика человеческого.

Как говорят, кто в лес, кто по дрова, так и Зина с Клавой разбежались каждая в свою сторону. Но в деревню и та, и другая наведываются исправно. Что уж их туда манит – не знаю. Скорее всего, от безделья, потому что не созданы они для того, чтобы сидеть на месте, работать, создавать уют. «Перекати-полем» обычно называют мужчин, но судя по этим молодым женщинам, их теперь немало и среди слабого пола.

Боже, какие задумчивые глаза у Лили! Это совсем недетский взгляд. Она уже давно вышла из детского возраста, и я воспринимаю ее как взрослую девушку. И неудивительно, что сейчас не то что пятнадцатилетние – тринадцатилетние в подоле приносят, так называемые нынешние Джульетты. Только героиня Шекспира и не помышляла о грехе. К тому же у нее был единственный возлюбленный. Интересно, читала Лили «Ромео и Джульетту»? Скорее всего – нет. Я не видел в комнате ни одной художественной книги. Что уж говорить о других. И не стоит удивляться, что у нынешней молодежи узкий кругозор, ограниченное мышление. Их идеалы теперь совсем другие – видик, телек или короче «маг», не то что наши герои литературных произведений, а идолы – бородатые, с немытыми спутанными космами хриплоголосые ребята. Два поколения – два мира. С их стороны мы встречаем полнейшее непонимание, отчужденность, сопротивление.

Да, чересчур задумчивы глаза Лили – про такие не скажешь «пустые» или «неумные». Жизнь слишком рано научила девочку понимать многое. Правда, ее мать не назовешь кукушкой, но то, что она почти все время оставляет дочь наедине с собой, похоже на брошенного в воду щенка, не умеющего плавать, Мол, жить захочет – выплывет. Ну ладно, научится девочка готовить, стирать – это куда ни шло, пригодится. А ну как она познает цену легких денег, поймет, что с каждым днем их нужно все больше и больше? Это может ко многому побудить, и голова будет занята только этим: где, как раздобыть деньги, много денег? Деньги становятся смыслом жизни, и тогда не жалко ни молодости, ни тела, ни чего другого... Возможно, я не совсем прав: случается, в такие компании попадают и дочки подпольных миллионеров. Но идут они на все тяжкие не из бедности, а наоборот, от сытости, чтобы переплюнуть своих соперниц. Разве угнаться Лили за ними? Об этом не может быть и речи. Разумеется, мать покупает ей кое-какие обновки, но отнюдь не импортные шмотки, а «дарителей» импорта пока вроде я не замечал – значит, «волчонок» не охотится далеко, а резвится с одногодками или чуть постарше. На этот счет я как-то перестал сомневаться.

О чем же думает Лили? Ждет с нетерпением вечера, чтобы рвануть на дискотеку? Но сейчас только десять утра...

У Лили экзамены. Однако в руках у нее не книги и тетради, а расческа, которой она время от времени проводит по своим шикарным волосам. Мне чудится, что до меня долетает дуновение от ее волос, и у меня тотчас проходит сердитость на девчонку, светлеет взгляд. Тут я вдруг понимаю, что Лили голодна – на столе нет ничего, даже завалящей корочки. Не видно и пустых бутылок – все сдали.

– Лили, ты сегодня завтракала? – прямо спросил я девочку.

Она смутилась, опустила голову: наверно, вспомнила, что брала взаймы три рубля, которые мать мне и не подумала возвращать. Что же делать? Бежать в магазин? Нет, не стоит давать повод для сплетен: вахтеры враз разнесут по свету, мол, старик к Лили ходит. А не дай Бог Лили забеременеет от какого-нибудь «крутого», запросто на меня всех собак навешают. Так что лучше не попадаться лишний раз на глаза, и я попросил Лили подойти к гастроному.

Знали бы вы, с каким волнением я ждал эту девчонку из угловой комнаты «женского монастыря»! Точь-в-точь как в моей далекой молодости. А все потому, что мы еще ни разу не встречались с нею на улице. Но какова Лили! Не раздумывая, согласилась с чужим мужчиной – не папой! – пройтись у всех на виду по улице. Ей, кажется, все нипочем. Может, она в самом деле давно привыкла к мужчинам? И все же я не верю, чтобы она продавалась таким, как я, сорокалетним. Пусть я перестану верить всему свету, но умом все равно не могу это осмыслить. Для меня это смертельно.

Погруженный в свои мысли, я и не заметил подошедшую Лили. Я привык ее видеть все время в школьной форме и даже растерялся, увидев в довольно смелом наряде: ворот тонкой вязаной кофточки слегка расстегнут, короткая, выше колен, черная юбка плотно облегает бедра, на ногах какие-то импортные тапочки, названия которым я даже не знаю. Скорее всего, они достались матери на заводе по талонам. Что ж, Лили одета вполне по погоде. Если б было жарко, она, конечно, натянула бы какую-нибудь майку или футболку и тем самым смутила меня еще больше, потому что ее грудь развивается быстрее тела и оттого самая заметная часть в фигуре. В темной же кофте она не столь выпукла и дразняща.

– Послушай, Лили, тебе, наверно, неприятно идти со мной рядом? – спросил я. – Вдруг учителя или одноклассники увидят.

– Нет. А почему вы об этом спрашиваете?

– Чтоб не поставить тебя в неловкое положение.

– А мне все по барабану. Я что, кому-то что-то должна? Пусть думают, что хотят.

– Тогда ладно. Я за тебя беспокоюсь. Мне-то с тобой пройтись одно удовольствие, счастье, можно сказать, – вдруг выпалил я, не отдавая себе отчета.

Ну кто, кто тянул меня за язык? Хотя по-честному, эти слова давно висели на кончике моего языка и только ждали удобного случая, чтоб сорваться. Я вспомнил, как однажды Лили спросила меня, хороша ли у нее фигура. Тогда я не нашелся что ответить, промолчал, а сейчас вот боюсь за этот маленький комплимент: в таком возрасте они только и ждут, чтобы их хвалили.

– А не заглянуть ли нам в детское кафе в «Шупашкаре»? – предложил я Лили, когда мы почти подошли к торговому центру.

Лили неопределенно пожала плечами: то ли была согласна, то ли наоборот. Мне тоже не мешало подкрепиться, но сидеть и ждать, когда вас обслужат, уйдет немало времени. Уж лучше купить все что нужно в гастрономе и поскорее перекусить.

Народу в гастрономе немного – полки наполовину пусты. Хорошо, что перед нашим приходом завезли молочные продукты. Я положил в металлическую корзину батон, две бутылки молока, два кефира. Колбасы не оказалось никакой. Можно было, конечно, взять яблок, но за ними надо идти в овощной магазин. Мы подошли к кассе. У меня была двадцатипятирублевка, и, когда кассирша сдавала сдачу, я вдруг заметил, с какой жадностью смотрит Лили на бумажные купюры! И тут я понял окончательно: девчонка полностью находится во власти денег, она стоит на краю пропасти. Да разве только Лили боготворит этого дьявола – золотого тельца? Сейчас многие – если не все – поклоняются ему как Богу. Но страшнее из всех преступлений, что совершаются из-за денежного фетишизма, это все-таки растление несовершеннолетних. И я довольно долго был уверен, что страшнее этого преступления ничего нет. Оказалось, есть. Но об этом чуть позже...

Мы молча идем с Лили в сторону общежития. Мне бы распрощаться с ней, приотстать, уйти в сторону, но что-то удерживает меня, и я продолжаю тащиться с ней рядом. Я весь в смятении, в нерешительности, чего хочу, к чему стремлюсь – сам не понимаю. Каждый мой шаг – бесцелен, бесполезен.

– Лили, я не пойду в общагу. Иди одна, – и протянул ей пакет с покупками.

Девочка молча приняла пакет и опустила голову, поковыряла носком тапки траву на газоне, потом одернула коротенькую юбочку, будто от этого она могла стать длиннее, и продолжала молчать. Может быть, что-то хочет мне поведать? Или без слов приглашает пройти с ней? Но зачем? Ладно, провожу до комнаты, так и быть.

Я снова взял пакет в руки – так надежнее, да и перед вахтером есть оправдание, хотя они мне и так доверяют, потому что я никогда не засиживаюсь подолгу.

Лили уселась на свое излюбленное место – у подоконника и принялась с аппетитом уписывать батон с молоком. Время от времени она вскидывала длинные пушистые ресницы, и я утопал в ее

темных глазах, похожих на бездонные лесные озера. Нет, смотреть спокойно в них невозможно. Я одним махом опрокинул в себя бутылку холодного кефира, чтобы погасить огонь, бушевавший внутри меня. И засобирался: сидеть дольше – Лили может истолковать это по-своему. И опоздал. И зачем только я зашел сюда? Чтобы услышать эти слова?

– Дядя Гена, – отложив недоеденный батон и отставив бутылку, она уставилась на меня немигающими глазами и неожиданно выпалила по-русски: – Вы для меня стары!

О Господи! Что она такое говорит? Да, верно, я для нее стар, но зачем об этом толковать? Ведь я ни словом, ни делом не намекнул ей ни на что такое! Зачем же она записала меня в развратники и совратители?! Да я не то чтобы обесчестить ее – я готов зеленой травой стелиться под ее башмаками: пусть топчет меня каждый день, я все стерплю, вынесу, лишь бы знать, что она есть на белом свете и что ее красота недосягаема для жалких душонок, как бы они ни силились ее достать.

Но зачем, зачем она сказала эти жестокие слова: «Вы для меня стары»?.. Наверно, неспроста. Да тут и не надо большого ума, чтобы догадаться: выходит, она думала обо мне, и мысли греховные наверняка крутились в ее прелестной головке, не успевшей ни созреть, ни помудреть. Настроение мое угасало с каждой минутой, на душе было горько, гадко, глаза мои наполнились слезами. Я был потрясен, не находил слов, чтобы сказать хоть что-то. А она по-прежнему смотрела на меня смело и даже высокомерно. От этого взгляда мне сделалось совсем худо, я выглядел рядом с ней жалким и несчастным. Она, видимо, почувствовала свое превосходство и продолжала играть со мной как кошка с мышкой. Наверняка она ждет, что я упаду сейчас перед ней на колени и буду умолять, упрашивать ее, и тогда весь огонь, вся нежность и сладость ее тела мои... Я вспомнил, с какой завистью она глядела в гастрономе на мои деньги! Предложи я их сейчас Лили – и она моя. Вот она, совсем рядом, в двух шагах, близко-близко... Подхвати ее бережно на руки, поцелуй нежно и положи в кровать. Она наверняка сама готова раздеться...

О, как я мучился и ждал такого момента в молодые годы! И тогда никто из нас на задумывался, сколько лет твоей девчонке,

наоборот, чем взрослее мы становились, тем моложе стремились подбирать себе подружек, совершенно не заботясь о том, что с ними будет после. И вот сейчас тот самый момент, когда можно попробовать почти незрелый, еще зеленый плод, не успевший как следует налиться соком, почти несладкий, зарумянившееся только с одного боку яблочко – вот кто такая Лили. Она еще наверняка не испытывает прелести оттого, когда ее раздевает мужчина, и вряд ли по-настоящему владеет секретами обольщения и возбуждения мужчины. Единственно, что она пока умеет, это лечь в постель и получить за это деньги, потому что у нее красивое тело – ее средство для достижения богатства о котором она мечтает. Возможно, еще она умеет предохраняться от беременности, не знаю, да это меня и не интересует, потому что все это противно, преступно, из ряда вон. Мы осуждаем тех, кто раньше, да и сейчас кое-где получает калым за выдаваемых замуж девушек. А что мы имеем сегодня? Не превращаем ли их в товар и не продаем ли точно так же?..

В двух шагах от меня стоит Лили – для кого-то утеха, для меня – большая боль. Она ждет, как же я поступлю. Ее просящие и одновременно задумчивые глаза чуть приоткрыты, ярко-красные губы манят неудержимо; я слышу ее частое дыхание, вижу упругие комочки в расстегнутом вороте кофты, они вздымаются при каждом ее вдохе... Все-все, чем так щедро одарила ее природа, Лили готова отдать мне. И ее слова «Вы для меня стары» – это не что иное, как кокетство, попытка зажечь меня, видя мою нерешительность. Скажите, кому из нас не приходилось слышать: «Не надо, милый», – и это не мешало нам дать волю рукам... Но нет, нет, все напрасно! Я не посмею даже пальцем тронуть Лили, лучше пересплю с какой-нибудь потаскушкой, облегчу свою плоть и полечу дальше, по ветру.

Неужели в этой жизни на мою долю не выпадет хотя бы крохотного кусочка счастья? Ведь временами так хочется Идеала, душа просит чего-то возвышенного, чистого. Без этого не замечаешь ни красоты, ни ценности жизни. И вот я, кажется, встретил свой Идеал, но ничего, кроме боли и мучений, он мне не принес, не подарил.

Мне все равно, что думает обо мне Лили: мол, скупердяй, жмот и прочее. Одно меня угнетает – я опоздал с ее спасением, и даже если я отдам ей безвозвратно все деньги, какие у меня есть,

это ее не спасет. И то, что я все еще продолжаю здесь сидеть, говорит о моей глупости: Лили все равно выше и светлее меня. Она, наверно, почувствовала, что я лишний в этой комнате, и, перестав есть молоко с хлебом, поставила старую пластинку матери, чем окончательно привела меня в чувство:

Все прошло, ты не моя,
На дорогу не гляди...

Да, Лили, я не тот, который смотрит на дорогу и ждет твоего приближения, я всего-навсего несчастный, готовый целовать следы твоих ног. Я довольствуюсь тем, что сумел побороть себя, укротить свою плоть, и это для меня высочайшая победа. Это значит, что я не утратил человечность, и душа моя не пропащая. И впредь я больше всего буду думать о чистоте души. Телесная греховность еще не означает пропащей души.

Прости меня, Лили, но больше я не в силах выносить твое колдовство! Это для меня смерти подобно. И я надеюсь, что и на мою долю еще остались дни, еще не все сгорело. Не зря ведь говорят: если любит – значит, живет. Будем жить!..

Я не сделал тебе ничего плохого, Лили. Так что обвинить меня в чем-либо ты не можешь. И бегу я не от тебя – от греха. Вместе нам быть не дано судьбой, а потому в разлуке наше спасение, наше выздоровление. Ты оставайся, а я ухожу. Один из нас лишний, и потому он должен уйти первым...

Прощай, Лили! Тысячу, сотню тысяч раз буду повторять твое имя. Да разве я один? Не знаю. «Многие помянут мое имя...» Чьи это слова? Может быть, твои? Нет-нет, скорее это из священного писания... Ты меня не прогоняешь, Лили, я ухожу сам. Навсегда. Но твое имя, как заклинание, мои губы будут произносить до тех пор, пока я буду жив...

С того дня я исчез надолго, не подавая о себе ни слуху, ни духу. И все же рожденные на Земле обязаны жить. И жить сегодняшним днем, ибо свет минувших дней не согревает и не светит. Прошлое мне кажется пустым и никчемным, хотя душа чего-то ждет, надеется, просит. А что – толком сказать не могу. Чего-то не хватает, что-то тревожит – не пойму. Когда ты не властен над своими мыслями, чувства тоже разбредаются подобно стаду, оставшемуся без пастуха. Думаю, в этом я не одинок.

Да, свет минувшего не согревает и не светит. И тем не менее вчерашнее кажется нам лучше сегодняшнего, богаче, прекраснее, что ли. Может, потому в копилке воспоминаний мы ищем некогда утраченное и так необходимое нам сегодня, ищем, выбираем, шелушим – авось что-нибудь да там осталось, неправда ли? Так было и со мной.

Где бы я ни находился, Лили не выходила у меня из головы. Образ пятнадцатилетней девочки был и остается для меня живительным теплом восходящего солнца и ночной прохладой таинственной лунной ночи. Боль с годами прошла. Была ли это большая любовь, не высказанная вслух, или плач без слез, а может, это было мое спасение в то смутное время, – не знаю ни я, ни даже Бог. Если это несчастная любовь, то я неминуемо должен был сломаться, пропасть. Вышло же ровно наоборот: знакомство с Лили меня отрезвило, я перестал пить и снова оказался в ряду приличных людей. Она, именно она укрепила во мне еще не угасшие высокие чувства, я стал смотреть на жизнь более уверенно, более устремленно.

Возвращение легче расставания, это так. Более года я прожил в соседней республике – работал в одном из столичных вузов. Новые люди, новый распорядок жизни, друзья-товарищи... Признаться, мне даже жалко было с ними расставаться. Но не ошибусь, если скажу, что каждому из нас дороже всего родимый угол, где ты родился, где впервые был счастлив или несчастлив. Я долго раздумывал, прежде чем принять решение о возвращении на родину. Получалось, что я, защитив здесь кандидатскую, предаю друзей и уезжаю от них. Но, думаю, они понимали меня: мое место там, где сейчас необходимо поднимать национальную культуру. Пусть будет высоко сказано, но это мой долг. Прятаться где-то в более благополучном месте, сладко есть и пить, спокойно спать – это лишь на радость моим недругам. Кроме того, у меня там взрослая дочь, жена. Так что невзирая ни на какие сплетни и пересуды, я вернулся.

Никаких перемен в родном городе я не увидел. Все, кто и до моего отъезда хоронился, подобно моллюскам, в своих ракушках, продолжали прятаться и сейчас. Отчужденность, равнодушие друг к другу как были, так и остались. Правда, появились кое-какие объединения, группы, но их роднят между собой только эгоисти-

ческие, карьерные цели. Бороться за власть по-прежнему модно и престижно. А этого достичь в одиночку невозможно. Нет, меня не интересуют высокое кресло, почести и слава. Не страшит и то, что живя вместе, мы уходим поодиночке – таков закон природы, против него все бессильны. Но с другой стороны, с волками жить – по-волчьи выть, как говорится. Хотя каждый человек – это свой мир, свой порядок, свой кусочек жизни, но ему не уйти от остальных. Вот и я кувыркаюсь вместе со всеми.

О том, чтобы увидеться с Лили, у меня не было даже и в мыслях. По улицам сегодня стало страшно ходить, особенно по вечерам. К тому же живет она в другом районе города – в новоюжном. Да и вряд ли я ее узнаю: она небось, как большинство нынешних девушек, изменилась с помощью современной косметики до неузнаваемости, возможно, даже стала блондинкой. Однако не зря говорят: гора с горой не сходится, а человек с человеком сойдется. Иногда не видишь человека годами или даже с детства и вдруг сталкиваешься с ним в городе. Вот и Лили я встретил неожиданно и случайно. Но случилось это намного позже...

Как-то в молодежной газете я прочел письмо некоей Лили – там есть страничка для несовершеннолетних. Как правило, авторами больше выступают девушки. Чего там только нет! Об иных вещах они родной матери не расскажут, а тут пожалуйста! – адреса-то редакция не называет. Подробностей этого письма я не запомнил – да это и не важно, помню только главное: «Все обычно обвиняют девушек: мол, кобыла не заржет – жеребец не вскочит. Как бы не так! Я, к примеру, оказалась на панели благодаря своему отцу. Во всем виноват этот мерзавец!.. Я, как и многие из нас, оказалась акселераткой – в двенадцать у меня уже округлилась грудь, наступили «месячные». Мой папаша, хоть и развелся с мамой, частенько заглядывал к нам, и тогда я ночевала у моих друзей. Однажды, когда мама работала в ночную смену, он явился как всегда пьяный и завалился на кровать. Мать долго не приходила... Ту ночь я до сих пор не могу вспоминать без слез: такого ужаса, унижения, боли, какие я испытала, я не пожелаю даже своему заклятому врагу... Я пыталась кричать – отец пригрозил: «Убью!» Хотела рассказать матери – он обещал уничтожить нас обеих. Потом... Потом он приходил всегда, когда мамы не было дома. Уго-

варивал меня, давал деньги, дарил какие-то тряпки. Я не испытывала ничего, кроме отвращения, и даже не знала, почему у меня прекратились «месячные». Хорошо, мамина подруга «просветила»: на зимние каникулы она увезла меня в деревню, в гости, и через знакомого врача устроила в районную больницу... С того дня я возненавидела всех мужчин. Вот и ответьте мне: кто виноват во всем этом? «Кобыла», которая ржет?.. Теперь я знаю – у меня никогда не будет детей. Так чего ж мне жалеть мое молодое тело?..»

В газете было еще что-то, но я не помню: я был потрясен прочитанным. Я и раньше слышал о подобных случаях, когда отец насиловал свою дочь, но чтобы такое творилось среди чуваш?.. Конечно, изуверство, скотство, бесчеловечность не имеют национальности – все зависит от среды, в которой рос человек. Но какая же это Лили? Чувашка ли она, которую я знал, или другая? В конце концов, кто бы ни была эта девочка – это все равно трагедия, сломанная жизнь, раненая душа...

Сам не признаваясь себе в этом, я побывал на месте прежней работы – надеясь увидеть Лили или хотя бы услышать что-нибудь о ней. Оказалось, Виссари уехал в Германию, оставив в мастерской о себе память – незаконченный портрет обнаженной на стене в раме. В этом я усмотрел некий символ: мы замечаем красоту лишь в самом ее начале, а дать ей возможность развиться в полную силу, расцвести не даем. Так и наше нескладное, несбалансированное общество – оно еще не вызрело, не доросло до уровня, когда человек чувствовал бы себя в нем комфортно.

В разговоре с сантехником Климом Петровичем мы вспомнили и про Клаву с Зиной.

– Они сюда больше не заходят, – видать, где-то в другом месте гнездо свили, – нелестно отозвался о бывших подружках сантехник.

И тут я не утерпел, спросил о Лили: когда-то мы с Климом Петровичем встретили их с матерью на улице, и я познакомил его с девочкой. Мой старый друг однако попытался уклониться от ответа, но на мой настойчивый вопрос ответил односложно:

– Яблоко от яблони недалеко падает...

Как же так? Ведь я ему и полсловом не обмолвился о Лили, неужели она приблудилась к Виссари?.. Все оказалось несколько

иначе. Как я уже говорил, комната Лили на третьем этаже была угловой, и окно ее упиралось в торец общежития, которое обслуживал Клим Петрович. К тому же, рядом с окном – на случай пожара – находился запасной выход на лестницу, что вела до самого девятого этажа. Так вот сантехник не раз своими глазами видел, как по этой самой лестнице шныряли парни в широких штанах, заглядывая в окно третьего этажа; ему доводилось и самому не раз наблюдать оргии в комнате Лили через незанавешенное окно. Тут я все понял без объяснения...

Услышанное заставило меня сделать решительный шаг – я направился в общежитие, где жила Лили. Вахтер то ли вспомнил меня, то ли ему уже был привычен этот адрес, лишь понимающе ухмыльнулся: мол, знаем, зачем вы пожаловали к этой особе. Меня он, конечно, тоже счел за очередного Казанову. К сожалению, Лили не оказалось дома. И я даже некоторым образом обрадовался этому: о чем бы я стал с ней говорить? Скорее, нас ожидал диалог двух глухих.

И тем не менее меня продолжала интересовать судьба Лили. Я еще несколько раз приходил в общежитие, но ни разу не застал ту, что когда-то всколыхнула и воспламенила мою душу. С Зиной я не хотел встречаться, а потому узнав, что Лили нет дома, тотчас разворачивался и уходил. Заметка в молодежной газете не давала мне жить спокойно. Какая же Лили ее написала? Моя черноглазая ласточка или другая девочка? Имя это нечасто встретишь, тем более с ударением на последнем слоге... Боже, мне так хочется увидеть ее, поговорить с ней! Разумеется, что-либо ей советовать – все равно, что утопающему хвататься за соломинку, и все же, все же... По мере того, как я сам выбирался из черной пучины, мне хотелось и ее позвать с собой, чтобы окунуться в широкую реку жизни и очиститься от всего, что было. Ведь не может же быть, чтобы ей в тяжкую минуту не понадобилось участие, теплое слово, возможность поговорить по душам. От матери ей этого ждать не приходится, от отца тем более. К тому же, если этот отец оказался именно тем изувером... И все же она молодец, что набралась смелости написать в газету...

На этом, пожалуй, пора заканчивать мою неожиданную историю с Лили. На охоте, когда гонят зайца, есть один непрелож-

ный закон: откуда заяц выскочит утром, туда же он вернется вечером, описав круг по полю. Так и я, совершив круг ада, не забыл мой Шупашкар и вернулся в него. И ничего не забыл, не забыл о Лили. И никак не могу расстаться с мыслью, что когда-нибудь наши пути-дороги с ней пересекутся. Хотя знаю, что встретить щепки от разбившегося корабля судьбы ой как трудно, если не невозможно. Но диалектика все же не лишает нас того, что в жизни бывают случайности.

Вначале я повстречал на улице Клаву. Я, можно сказать, даже не узнал ее – так она изменилась, причем, в лучшую сторону: одета аккуратно и даже модно, голова ухожена – сразу видно, женщина посещает парикмахерскую, голубые глаза ясные, счастливые; шрам, портивший прежде ее лицо, едва заметен, наверно, запудрила румянами. Она даже выглядела моложе своих лет. Нет, я не скажу, что она превратилась из гадкого утенка в лебедя, но женщина изменилась в лучшую сторону, это факт. И причина – Клава выходит замуж. Значит, нашла-таки Клава свое счастье? Я расспросил ее о будущем муже. Оказывается, она познакомилась с ним по переписке, когда тот сидел в тюрьме. Отбыв срок, приехал к ней в Шупашкар, сам он нездешний, откуда – я не помню.

Я часто замечал, когда женщины, не отличавшиеся в прошлом примерным поведением, вдруг резко меняли свой образ жизни и превращались чуть ли не в святош. Да и в тюрьму попадают отнюдь не всегда жулики, насильники, убийцы. Кроме того, женщина, прошедшая большую школу свободной любви, без особого труда может создать новую семью, ибо она вооружена многими тайнами своего мастерства. Так что вскружить голову не искушенному в любовных делах ей ничего не стоит. И что вы думаете? Счастливо уживаются, и водой их не разлить. Конечно, если «доброжелатели» услужливо не подбросят какую-нибудь сплетню. Такие женщины становятся самыми верными женами и изо всех сил стараются избегать своих бывших партнеров, делают вид, что и не знали их никогда. Вот и Клава, беседуя со мной, настороженно озирается по сторонам. Понимаю: боится, как бы не увидели знакомые.

– Послушай, Клава, а может, тебе лучше уехать из Чебоксар?

– Куда уехать? Мой-то издалека, и нет там у него никого и ничего... Да мне и бояться-то вроде некого, тьфу-тьфу, чтоб не сглазить...

– Незнай. Людям верить – не всегда получается...

– Верно говоришь, Гена. Может, и впрямь в какой совхоз уедем в Алатырский иль Порецкий район. В газетах вон пишут, там работать некому, и домов пустующих много.

– Да, это не самый плохой вариант, – согласился я. – Ты работы не боишься. Авось и для Зины пару найдешь. Здесь ей квартиру вряд ли когда удастся получить.

Стоило мне заговорить о Зине, как настроение Клавы резко переменилось: только что сиявшие глаза померкли, она опустила голову, замолчала. Мы тихо побрели в сторону Лакреевского леса, и наша беседа продолжалась еще довольно долго на свободной скамейке. Я курил сигарету за сигаретой, а Клава рассказывала все по порядку. Оказывается, Зина умерла в одночасье, хлебнув лишку метилового спирта. Я вспомнил, как Клава когда-то пыталась угощать и меня этой гадостью. Зина работала на тракторном заводе, где бочки с метиловым спиртом стояли без всякого надзора. Пили все, кому не лень. В одну из ночных смен Зина с мастером перестарались – напившись ядовитого пойла, они занялись любовью прямо в вагончике, где их наутро и обнаружили мертвыми. Оба были голые, и их так и отправили в морг, а потом сразу на кладбище. Жена мастера даже не захотела внести гроб с телом мужа в дом и не поехала на кладбище. А до этого инцидента семья считалась прямо-таки образцовой. Не зря говорят, в тихом омуте черти водятся...

Мне не было жаль Зину, нет. Непутевая потаскушка, она так и не образумилась, имея на руках взрослую дочь, продолжала вертеть хвостом и пьянствовать. Конечно, сказать, мол, собаке собачья смерть, нельзя – как-никак душа человеческая.

Клава прекрасно чувствует, что мне не терпится узнать, что же стало с Лили, и проницательно взглядывает на меня, суетится, словно торопится куда-то. Я же сижу не двигаясь, продолжая смолить. Наконец она заговорила сама:

– Знаю, о чем хочешь меня спросить. Скажи, Гена, ты ее любил?

– Что ты говоришь, Клава? Она мне была как дочь, жалел я ее. Боялся, что испортится девка, пропадет...

– «Испортится»... Ну, ежели и испортится, она же не машина, ее не починишь... Опоздал ты тогда, парень, опоздал... Нет-нет, не

запирайся, что не любил, по глазам вижу – любил и сейчас еще любишь. Меня, старого воробья, не проведешь. Не зря в прошлом году целое лето бегал. Все вы, мужики, одним миром мазаны. А я нарочно уходила, одних вас оставляла.

– Тогда скажи, зачем ты это делала? Зачем старалась повязать нас с Лили?

Клава молчала. Я бережно отряхнул с ее плеч опавшие листья, погладил по волосам.

– Ладно, не сердись. Ты и сам поди о многом догадывался, – заговорила Клава. Зине я отомстить хотела. Она ведь меня с первым мужем-то развела. Я ее сама лично поймала с ним, подруженьку мою задушевную... Вам что, мужикам: сунул, вынул и пошел, все шито-крыто. А мы, бабы, терпи. Я не стерпела – развелась. Он потом много раз ко мне вернуться пытался, но я не приняла. Вор он и дальше воровать будет.

– А как же ты после этого с Зиной продолжала дружить? Ходила за ней как репей на хвосте у собаки? Другая бы на твоем месте плюнула ей в рожу – и конец.

– И я так думала, да жизнь по-другому заставила. С комбината уволилась – меня и из общежития попросили. Куда податься? Тут Зина меня к себе и пригласила – койка у нее была свободная. Пить вместе стали, гулять...

Диву даешься иногда над этими женщинами. Нам не постичь их мира, даже если прожить рядом целую вечность. Я внимательно посмотрел на Клаву: ее лицо раскраснелось, шрам на щеке стал заметен, и на нем проступили давние белые стежки. Мне захотелось узнать, откуда у нее этот след, но я решил подождать – авось сама расскажет. К тому же я и так сильно растревожил ее воспоминаниями, так что излишние расспросы сейчас ни к чему: у нее и так, наверно, сердце разрывается. Признаться, я считал Клаву легкомысленной, падшей женщиной; к счастью, это оказалось не так. В ней не угасло стремление к иной, новой жизни, глядишь, и в самом деле все наладится. Остается только пожелать ей счастья.

А из головы не идет Лили. Куда, в какие передряги занесет ее, как осенний листок, какой негодяй втопчет ее в грязь?..

– Как думаешь, Клава, из общежития ее не выселят?

– Нет, не выселят – ей шестнадцать исполнилось. А меня вот она напрочь отшила, даже в комнату не пускает. Одна хозяйничает.

О том, как «хозяйничает» Лили, я уже слышал от Клима Петровича, хотя верить всему не хотелось. В деньгах она сейчас, можно сказать, не нуждается – получает материнскую пенсию, алименты от отца. Тогда зачем ей торговать своим телом? Неужели ее и сейчас дерут все, кому не лень, как придорожную сломанную ветку? Конечно, ум у нее еще неокрепший, а потому вся прелесть жизни ей, возможно, видится в плотских утехах. Я слышал, если женщина привыкла пить, она уже вряд ли остановится. Может быть, они таковы и в любви? Но я слышал и другое: женщины познают всю прелесть секса только к тридцати годам, так что у Лили это скорее от страха остаться одной, привычка. К тому же кто в ее годы не хочет, чтобы ее любили? Красивые девушки все таковы...

– Клава, у меня к тебе еще один вопрос, – я намеренно не стал говорить о том, что прочел в газете. – Скажи, как Лили, такая молодая, стала на путь проститутки? Я-то ведь к ней ходил вовсе не за этим, а чтобы помочь, наставить на правильную дорогу...

– Ох, какие же вы все-таки бестолковые, ученые люди! Верите, что нынче одними уговорами можно жизнь поменять, на ум наставить. Да ей в то время ремень отцовский был нужен, а он, подлец, вместо ремня другое вон на волю выпустил... – Клава на полуслове прикусила язык.

– Ладно, продолжай, я уже все знаю, – сказал я тихо.

– Эх, Гена, если бы ее отец вел себя нормально, и Зина была бы жива, и дочь... Он ведь ее первый испортил, родной отец! А как доказать его вину? Никак! И сейчас, поди, губит девчонок почем зря, зверь эдакий, садист! В тюрьме бы давно сгноить сатану! И на меня пытался наброситься, так я ему бутылкой по башке шарахнула – и бежать... Нет, не кончит он добром, не кончит. Сколько веревочке ни виться, конец будет...

Я бросил окурок в сторону копошившихся на асфальте воробьев. Они поначалу разлетелись в стороны, но тут же сообразили: а вдруг им кинули какую-нибудь еду? – и один за другим слетелись снова. Прилетевший первым клюнул окурок раз, другой и, видимо, обжегши клюв, быстренько скрылся под приземистой елочкой. Другие не стали пробовать огненный «гостинец» – поня-

ли, что их обманули. Это человек обычно дважды наступает на одни и те же грабли. Что это – слепота, бесчувствие, недогадливость? Или им руководит тупость?

Услышав от Клавы подтверждение своей догадки, я еще долго сидел потрясенный на скамейке в лесу. День уже клонился к вечеру, тепло осеннего солнца заметно поубавилось, и меня изнутри прошил неприятный холодок, словно мое сердце на миг перестало перекачивать кровь в моем теле. Боже, и зачем этот ужас выпал на мою долю? И я должен с этим жить, соглашаться, мириться? И никто никогда не в силах что-либо переменить, кроме нас самих. Сами делаем ошибки, сами должны их исправлять. И значит, во всем, что произошло с Лили, есть и моя вина, мои грехи прибавились к этой беспутной, беспорядочной, порочной, перевернутой жизни.

Я по-прежнему сижу молча как истукан. Клава нетерпеливо топчется возле, ногами сгребая в кучки опавшие листья. У нее свои заботы-хлопоты. Может быть, хоть она, выбравшись из этого грязного болота, сумеет родить и вырастить здорового малыша, ей ведь тоже есть над чем задуматься в прошлой жизни. И в горькой судьбе Лили тоже есть доля ее вины, как и у меня.

– Ладно, Клава, поговорили долго, обо всем. Ты извини меня, что задержал: ты же куда-то торопилась? – продолжая сидеть, проговорил я.

– Ничего... Мой будущий муж на электроаппаратном, на второй площадке работает, сейчас как раз смена кончается, так мы с ним по магазинам договорились побегать – завтра к моим родителям знакомиться едем в деревню, гостинцев каких купить. Боюсь только, как бы в деревне чего не вышло: языки-то там что хвосты лошадиные, наплетут семь верст до небес...

– А ты плюнь на все и забудь свое прошлое. Кто сегодня безгрешен? Кто? Жизнь такая, и ничего тут не поделаешь... Ну, когда-нибудь еще встретимся, посидим, поговорим, а пока всего тебе доброго. Будь счастлива, Клава.

– Тебе тоже всего хорошего, Гена. Славный ты мужик, добрый.

Мы расстались, и больше я Клаву не видел. Возможно, она, вняв моему совету, в самом деле переехала куда-то, а может, живет в Шупашкаре же, только мало ходит по городу.

У меня же с той встречи из головы напрочь выветрились мысли о встрече с Лили. Действительно, зачем нам встречаться? Чтобы сыпать соль на раны друг другу? Ей уже пора жить своим умом. Если у нее после всех пережитых унижений, позора, несчастий не раскроются глаза, чем же я смогу ей помочь? Ее не отправить в интернат – она совершеннолетняя девушка. Так что все бесполезно.

Я незнаком с методами психоанализа, не довелось мне прочесть также Фрейда и прочих, но я задаю себе вопрос: почему чуваш Клим Петрович сказал о Лили «Яблоко от яблони недалеко падает»? И означает ли это, что от доброго, трудолюбивого человека родится такой же ребенок? Если так, то от вора родится вор, от проститутки – проститутка, от разбойника – разбойник? Так ли это? В самом деле, вместе с генами родителей мы перенимаем не только их внешние черты, но и характер, тайные пороки и прочее? Взять, к примеру, Лили – в ней ярко проступают не только черты молодой матери (отца я не видел), но и ее темперамент, буйство, острый ум...

Порой все беды мы списываем на нашу неустроенную жизнь. Есть в этом доля правды, есть. Сколько молодых семей в городе живут в общежитиях? И вместе с ними живут дети, которые, можно сказать, не видят светлого, беззаботного детства, а больше изнаночную сторону жизни своих молодых родителей, в том числе и ту, которую не должны видеть, – эти глянцевые журналы, телевизионные передачи «про это» и другое. То, что веками считалось запретным, не для посторонних глаз, сейчас выставляется наружу. И вырастает поколение с неокрепшими мозгами, в чем повинны и мы, взрослые: ведь мы тоже больше стремимся взять, а не отдать. Если честно, то я, боготворя и любуясь красотой Лили, ее точеной фигуркой, уже совершал грех, ибо я брал, тянул в свою сторону эту красоту, которую возвел в свой Идеал. В то время как этот Идеал, моя высокая мечта должны были стать светом для других! И беда в том, что не я один такой. Что греха таить, все мы в своих эгоистических порывах забываем о красоте души...

В пестрой суете дней, в ничегонеделании пролетает жизнь. Интересно, как оценят историки это время спустя несколько десятилетий? Древность мы измеряем веками, века – деятельностью

нескольких выдающихся личностей, тем, что они оставили после себя. Эти же мои строки, мои слова, мои боль и мольбы – не что иное, как безмолвная песнь лежащих на дне моря ракушек. Наверху же бушуют волны, набегают друг на друга, глушат друг друга и рвутся дальше, вперед. Но ракушек не касается их волнение. Когда-то классик сказал, что красота спасет мир. С тех пор минул век, свершилось несколько кровопролитных революций, теперь вот идет сексуальная революция, и такая, оказывается, бывает. Но чтобы хоть одна революция свершилась именно для народа – увы! Каждая из них имеет свою правду, с помощью которой уничтожается другая, втаптывается в грязь. Красота же всегда остается в стороне...

Итак, я полностью избавился от Лили. А то, что болит сердце... Кому это нужно? Утешает одно, что каждый грешник хоть чуточку да осознает свои грехи, и это уже хорошо. А принять на себя все грехи человечества не в силах никто, разве что Бог.

Как-то я ехал пятнадцатым маршрутом троллейбуса с новоюжного района и вдруг едва не подпрыгнул: чуть поодаль меня стояли две красивые, точно куколки, девушки в норковых шапках и пальто с такими же роскошными воротниками. В самом деле, их будто отштамповали серийно. Однако... одна из них... вылетающие из ее черных глаз искры пронзили мое сердце точно разрядом молнии. Лили!..

Девушки весело о чем-то щебетали и вели себя так свободно, будто вокруг никого нет, они – самые главные на свете; на них держится вселенная, они без оружия побеждают всех мужчин, покоряют их раз и навсегда. Стоп, это в самом деле Лили?.. Да-да, сомнений нет, это – она... Повзрослела, изменилась, стала повыше и еще красивее. Круглое лицо тоже чуть вытянулось, глаза попрежнему живые и ясные, а губы такие невинные, будто их ни разу никто не касался. Боже, как обманчива и прекрасна ее внешность! Пожалуй, даже женоненавистник не устоит перед ней. Я невольно опустил глаза, устыдился, зная ее истинную сущность. Она небось и по-чувашски давным-давно забыла, и меня вряд ли признает. И как я посмел когда-то ее полюбить?.. Рядом с ее красотой я почувствовал себя таким несчастным, таким маленьким, таким ненужным...

Девушки вышли у агрегатного завода через среднюю дверь, я – тут же, но через заднюю. Мне было неловко наблюдать за их летящей походкой, но моя дорога к дому пролегала именно здесь. Ни на кого не обращая внимания, девушки резво спускались вниз.

Было тепло. Шел неторопливый снег, и снежинки плавно опускались на тротуар. День был какой-то особенный, радостный, кругом царили тишина и покой, чего нельзя было сказать о моей душе. А красавицы, взявшись за руки, так и летели передо мной, ни о чем не догадываясь. Я подумал, что они спешат к кинотеатру «Октябрь», оказалось, нет: обогнув его, они свернули к ДИСу – гостинице, где проживали иностранные специалисты...

А «куда ведет меня мой жалкий жребий»? Не знаю... Я долго не мог отыскать среди одинаковых железобетонных коробок свой дом, подъезд, квартиру... В голове билось одно: дорожка, по которой передо мной бежали две красотки, не моя, и я не должен был слышать их смех – он тоже не для меня, их нежные ласки и утехи, их красивые тела – не для меня. А что остается для меня? Только мои слова, да и они где-то в глубине сердца, вернее – в морской пучине, никем не видимые и не слышимые.

Как-то утром я решил забежать перед работой в парикмахерскую при гостинице «Россия» – благо она открывалась в семь часов. Подстриженный, освеженный французским парфюмом, я в бодром настроении вышел из парикмахерской, закурил и на миг задержался на ступеньках. Мимо меня, на ходу застегивая дорогую шубу, пронеслась высокая девица и нырнула в поджидавшую ее «Волгу» – машина тотчас рванула с места.

Чуть ниже, у скамейки, стояла троица накачанных парней, одетых в сплошную «фирму». Из гостиницы выпорхнула стайка шумливых девушек, которые присоединились к мужской компании, заговорили о чем-то шумно и деловито. Чуть поодаль от них стояли несколько иномарок. Их хозяева не спешат, у них работа такая. Им не надо ни на учебу, ни на завод. Они – хозяева жизни, все в их руках. Первая девица, пожалуй, помчалась в институт, остальные... Ах да шут с ними, нашел чему удивляться! Я поспешил на остановку троллейбуса. Меня успокоило лишь то, что среди них не было Лили. У нее другая зона...

Где, на какой ступеньке находимся мы? Для них нас нет. Да-да, нет. Мы где-то там, внизу, в грязи, в суматохе наших дел, мыслей, бед...

Лили! Я не хочу, не могу поверить, что это была ты! Все это – сон, выдумка, бред. Возможно, все это было, но это была не ты! Ты – воспоминание, первая любовь, сгоревшая в далекой молодости, ты – отсвет первого чуда и незабываемая мука. Она, как и ты, была девушка-подросток, такая же круглолицая, темноглазая. Чувашка, как и ты. Но у нее была длинная черная коса, до которой я ни разу не дотронулся, и тем не менее ее образ всегда со мной. Мои чувства к ней были чисты как утренняя роса. Ты – явление второе, где Огонь страсти пожирает все чистые чувства, однако этот Огонь так и не смог зажечь мое сердце.

Лили! Если бы даже тебя не было, я бы все равно придумал тебя. Мой бедный сад украшают цветы, которые носят твое имя. Но и на них, красно-оранжевых лепестках, есть коричневые крапинки. Я же мечтал встретить цветок без крапинок, мечтал о чистой красавице. Однако даже бусинка бывает дырявой...

Лилии недолго радуют своей красотой, но по весне они оживают. Ты тоже приходи ко мне хотя бы изредка. Пророк Мухаммед сказал: «Я люблю женщин, молитву и благовония. Но моей душе приносит покой лишь молитва». Есть ли ты на свете, или нет тебя – я бесконечно молюсь о тебе. Кроме этого у меня ничего нет. Ты, возможно, и не ступаешь по нашей грешной земле, скорее всего, это твой образ, отделившийся от твоего грешного тела, присутствует денно и нощно возле меня. Но я сто, тысячу раз повторяю твое имя, потому что на свете лишь слово безгрешно, беззащитно, праведно, чисто – ЛИЛИ.

Перевод Зои РОМАНОВОЙ.